

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA



Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И.</i> Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв.	7
<i>Васютин С. А.</i> Проблемы преемственности сложных социально-политических форм в кочевых империях Внутренней Азии конца I тыс. до н.э. — начала II тыс. н. э.	35
<i>Серегин Н. Н., Васютин С. А.</i> Тюркские оградки урочища Нижняя Соору: неопубликованная часть комплекса (по материалам раскопок А. С. Васютина)	52
<i>Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А.</i> Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины)	65

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Обряд испрашивания дождя у туркмен.....	83
<i>Kotova D. V., Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period	98

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Артемяева Н. Г., Макиевский С. В.</i> Буддийская кумирня возле с. Киевка (Приморский край).....	108
<i>Марсадолов Л. С.</i> Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае	127
<i>Должиков В. А., Ильин В. Н.</i> Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в.....	151
<i>Рыбаков Н. И.</i> Назорейский обряд на Енисее. Часть I	167

ДЛЯ АВТОРОВ	199
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Baipakov K. M.</i> , <i>Savelyeva T. V.</i> , <i>Kamaldinov I.</i> Medieval towns of Ili valley (North-eastern Zhetysu-Semirechye) on the Great Silk Road in the XIII–XIV centuries.....	7
<i>Vasyutin S. A.</i> Succession issues of complicated social and political formations IN Inner Asia nomadic empires of late 1ST millenary B. C. — early IIND millenary A. D.	35
<i>Seregin N. N.</i> , <i>Vasyutin S. A.</i> Turkic enclosures in the nizhnyaya sooru natural boundary: unpublished part of the complex (based on excavations by A. S. Vasyutin)	52
<i>Tabaldiyev K. Sh.</i> , <i>Hermann L.</i> , <i>Tishin V. V.</i> , <i>Zheleznyakov B. A.</i> New runic inscriptions in Kenkol (upper Talas valley).....	65

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Rite of asking for rain from turkmens	83
<i>Komova D. V.</i> , <i>Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period.....	98

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Artemieva N. G.</i> , <i>Makievskij C. V.</i> Buddhist idol near s. Kiev (Primorsky krai).....	108
<i>Marsadolov L. S.</i> New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from barrow Bashadar-2 in Altai.....	127
<i>Dolzhikov V. A.</i> , <i>Ilyin V. N.</i> The old believers of Altai in the context of discriminatory confessional policies of the Russian imperial power of the XVIII century	151
<i>Rybakov N. I.</i> The nazarene rite on the Yenisei. Part I	167

FOR AUTHORS	199
--------------------------	-----

УДК 94 (517) "-02/13" + 930.85

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-02

С. А. Васютин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской Академии наук, Улан-Удэ (Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ КОНЦА I ТЫС. ДО Н. Э. — НАЧАЛА II ТЫС. Н. Э.*

Рассматриваются вопросы преемственности наиболее сложных общественно-политических структур кочевых империй Внутренней Азии, к которым в кочевом мире относятся город, государство и замкнутость элит. Объектом исследования выступают империя Хунну, Тюркские и Уйгурский каганаты, империя Ляо, предметом — изучение социально-политических процессов в кочевых империях, выявление наиболее сложных форм организации власти и общества, фиксация их преемственности в последующих имперских политиях кочевников. Отмечается, что в целом в кочевых сообществах в степях Внутренней Азии преемственность имела широкое распространение, охватывая титулы, религиозные и правовые традиции, административное устройство и т. д., однако практически отсутствовала преемственность городской жизни, государственности и особого положения элит. Наиболее показательным было запустение городов после падения Уйгурского каганата, быстрое исчезновение в период кризиса институтов ранней государственности. Уникальный опыт каганата оказался не востребуемым его покорителями — кыргызами. Лишь наиболее сложная по своей организации в домонгольский период империя Ляо частично использовала навыки уйгуров в торговле, контроле над Степью и очень выборочно городскую инфраструктуру на реке Толе.

Ключевые слова: кочевые империи, Внутренняя Азия, преемственность, урбанизация, раннее государство, государство и его альтернативы, замкнутая элита.

* Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империи в истории Внутренней Азии».

S. A. Vasyutin

Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude (Russia)

SUCCESSION ISSUES OF COMPLICATED SOCIAL AND POLITICAL FORMATIONS IN INNER ASIA NOMADIC EMPIRES OF LATE 1ST MILLENNARY B. C. — EARLY IIND MILLENNARY A. D.

The article deals with succession issues in the most complicated social and political structures of Inner Asia nomadic empires which, in the nomadic world, include city, state and elite isolation. The object of research is the Xiongnu Empire, the Turkic and Uyghur Khaganates, the Lyao Empire, the subject is to analyze the social and political processes in nomadic empires, determine the most complicated forms of power and society organization, and trace their succession in the next imperial polities of nomads. The article notes that in Inner Asia nomadic societies in general, succession was broadly spread and concerned titles, religious and law traditions, administrative arrangement etc. However, succession of city life, statehood and special status of elites was practically absent. The most indicative was urban blight after the fall of the Uyghur Khaganate, fast vanishing of early statehood institutions in crisis. The unique experience of khaganate was unwanted for its conquerers — the Kirghiz. The Lyao Empire, with the most complicated organization in pre-Mongolian period, partly used the Uyghur experience in trading, steppe control and selectively urban infrastructure on the Tuul River.

Keywords: nomadic empires, Inner Asia, succession, urbanization, early state, state and its alternatives, isolated elite.

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово; ведущий научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru

Vasyutin Sergry Aleksandrovich, doctor of historical Sciences, Professor World History and International Relations Department of the Kemerovo State University, Kemerovo; Leading researcher of the Laboratory for Archaeology, Ethnology, and Anthropology at the Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude (Russia). Contact address: vasutin2012@list.ru

Вехи истории Внутренней Азии, начиная с конца III в. до н. э. и до распада монгольской державы, связаны с таким явлением, как кочевые империи. Исследователи нередко писали о близости административно-управленческого устройства таких военно-политических объединений (центр — ставка правителя, крылья, десятичная система и пр.), считая, что сменялись только правящие этнические группы [Lattimore, 1940; Krader, 1968: 43–51; Kwanten, 1979: 54–59, 278; Савинов, 2005: 32–33; Кляшторный, Савинов, 2005: 216–217; Прицак, 1997: 77–78]. Схожесть военно-политического развития кочевников также была представлена в разных циклических моделях взаимодействия кочевников Внутренней Азии и Поднебесной [Lattimore, 1940; Krader, 1963; Barfield, 1989]. Несомненно, мы можем говорить о преемственности политических институтов, сакрализации власти, титулатуры, правовых и религиозных традиций в монгольских степях [Трепавлов, 1993: 45–111; Rogers, 1997: 249–265]. Но стремление нивелировать различия кочевых империй вело к тому, что утрачивалась ценность социального и политического опыта каждого имперского объединения кочевников. При наличии общих черт уровни сложности империй хунну, жуань-жуаней, тюрков, уйгуров, киданей и монголов существенно различались. Разными были пути трансформации политических систем, структура и динамика социальных изменений имели свои особенности в каждом конкретном имперском сообществе кочевников.

Наиболее отчетливо разница между кочевыми империями проявлялась в формировании сложных социально-политических форм в том или ином кочевом сообществе. Что подразумевается в статье под понятием «сложные социально-политические формы» применительно к кочевникам Внутренней Азии? Это следующие маркеры уровня сложности обществ:

- город;
- зарождающаяся сословная система с замкнутой элитой;
- государство (раннее или традиционно-бюрократическое) или другие формы политических систем, близкие по сложности к государству.

Подходов к пониманию термина «государство» достаточно много (см.: [Крадин, 2018]), поэтому предлагаем такие критерии государства, которые существенно отличаются более продвинутой политикой от типичной военно-административной структуры кочевых империй и традиционных политических практик кочевников: фискальная бюрократия, налоги, администраторы, которые заставляли кочевников принудительно заниматься сельским хозяйством, ремеслом и разными службами.

Но более надежным критерием усложнения кочевых социумов, по нашему мнению, следует считать появление города. Город в Степи «вбирал» в себя наиболее сложные конфигурации общественно-политической жизни: разные формы торговли, ремесленной и сельскохозяйственной деятельности; пошлины и налоги; управление (в городе организация власти постепенно приобретала бюрократический характер), наличие разных этнических групп и более сложной стратификации по сравнению с общественными структурами в степном пространстве. Важно также понимать насколько территориями города пользовались сами кочевники. Был ли он для них как минимум местом торговли, военных сборов, военных и религиозных церемоний? Совершенно иной ва-

риант, когда город становился местом жительства для представителей элит, военачальников, чиновников и других страт из кочевой среды.

Империя хунну (сюнну)

Представления о первой кочевой империи — империи хунну, как правило, сформированы на основе письменных источников и данных археологии.

В целом археологическое наследие империи внушительно: 26 городищ и поселений [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 227], 7 могильников с элитными и сопровождающими их захоронениями, десятки крупных могильников с погребениями разных групп кочевников и оседлого населения, значительное количество небольших некрополей [Крадин, Кан Ин Ук, 2013: 14–16].

Данные археологии о городищах хунну лишь в незначительной степени соотносятся со сведениями о хуннских «городах» в китайских письменных источниках. Всего упоминаются два «города» у хунну: 1) Туй-дан, расположенный глубоко в землях хунну (сведения о нем относятся к первой трети II в. до н. э.) [Таскин, 1968: 68, 155, прим. 30]; 2) Чжао Синь (город назван по имени китайского военачальника, служившего советником у шаньюя Ичисе), который в 119 г. до н. э. был разграблен ханьским военачальником Вэй Цином (в Чжао Синь хранились запасы зерна хунну) [Таскин, 1968: 91, 165, прим. 30]. Соотнести эти «города» с выявленными городищами не удалось.

Многочисленность хуннских поселенческих памятников с валами и крупными платформами привела к тому, что многие исследователи, в том числе и автор статьи, говорили и писали о феномене урбанизации у хунну, о влиянии урбанизации на социальные структуры и политическую организацию.

Однако проведенные в последние десятилетия исследования целого ряда «городищ» хунну (Тэрэлжийн Дурвулжин, Гуадов, Бурхийн-дурвулжин, Ундур-дов и др.) показали отсутствие на подобных памятниках культурного слоя [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 236]. Как правило, на площади «городища» находятся платформы с остатками строений с черепичной крышей. Артефакты — это почти исключительно строительные материалы (нижняя и верхняя черепица, концевые диски, кирпичи). Также фиксируются остатки столбов, другие конструктивные элементы («дорожки», облицовка платформы), ворота и стены городищ со столбовыми конструкциями. В ходе исследования платформы №4 на Тэрэлжийне было найдено 70 532 фрагмента кровельной черепицы общим весом 4023,5 кг и 68 фрагментов кирпича общим весом 21,92 кг. Черепица была изготовлена пленными и мигрантами из разных провинций Поднебесной, но имела элементы хуннского декора. Сами городища строились ханьцами [Ивлиев, Крадин, Васютин, 2018: 135–146; Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 230, 235]. Каково бы ни было значение данных памятников, нет никаких оснований для определения их как городов.

Пока единственным исключением является Иволгинское городище. Сложная фортификация (несколько валов и рвы между ними), несколько тысяч жителей, многочисленные жилищные комплексы, обогревавшиеся канами, разнообразный инвентарь, который говорит о том, что жители городища занимались сельским хозяйством, скотоводством, ремеслом, рыболовством, большое представительство предметов, изготовленных по китайским технологиям, в том числе с иероглифическими надписями. Наличие китайского населения подтверждается находками значительного количества по-

гребений выходцев из Китая в составе синхронного Иволгинского могильника. По совокупности признаков Иволгинское городище можно определить как ранний город империи Хунну. Другие поселения с жилыми помещениями и следами хозяйственной деятельности с учетом их ограниченного размера не могут претендовать на городской статус [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 237].

Важно также отметить, что эпоха «великих шаньюев», т. е. наивысшего могущества империи в конце III — середине II в., представлена только поселенческими памятниками без культурного слоя. Захоронения элит этого периода не обнаружены. Террасные захоронения знати хунну по характеру погребального обряда, сопровождающим захоронениям, трудоемкости погребальной конструкции, богатейшему инвентарю лишь косвенно могут свидетельствовать о зарождении замкнутых элитарных групп. Все эти захоронения датируются относительно узким периодом середины I в. до н. э. — I в. н. э. Они отражают период кризиса и разделения империи на северную и южную части [Крадин, Кан Ин Ук, 2013: 17]. Сам факт того, что традиция возведения террасных захоронений рождается в тот момент, когда хуннское общество оказывается расколотым, показывает сложность процессов оформления у хунну сословной знати и их незавершенность.

Государство у хунну — весьма дискуссионная тема. В период «великих шаньюев» происходит формирование империи, налицо определенная централизация, усложнение военно-политических структур, рост могущества и даже формальное признание Хань равного ей статуса хуннского объединения. Империя Хунну этого периода была обозначена Н. Н. Крадиным как «суперсложное вождество (чифдом)» с балансированием на грани между государством (по внешнеполитическим показателям — «государственноподобная мультиполития») и более простыми формами потестарно-политической организации (внутренняя организация империи) [Крадин, 2002: 235–241, 244–246]. Созданная хунну имперская система, объединившая всю Внутреннюю Азию, способная противостоять Срединному государству, получать «подарки» и дань от ханьцев, а также контролировать земельные районы в Восточном Туркестане, — образец интеграции кланово-племенных структур и военной мощи Степи. Можно ли ее описать адекватно с помощью понятий «имперская конфедерация» или «суперсложное вождество»? Полагаю, что два этих термина нельзя использовать как синонимы, поскольку в сложных, а тем более в суперсложных чифдомах, уровень централизации вел к возникновению иерархического порядка, что противоречит конфедеративному принципу. Поэтому эти термины достаточно условно позволяют нам оценить рост сложности общественно-политической организации хунну, других кочевников и земледельцев, интегрированных в империю. Отсутствие же сведений о фискальных чиновниках и налогах, собираемых с кочевников, позволяет говорить о государственности в Хуннской империи только гипотетически.

С падением первой кочевой империи в степи сначала возникает сяньбийская держава (конец I в. н. э. — первая треть III в. н. э.), а вслед за ней Жуань-жуаньского (Жужанского) каганата (середина III в. — 552 г.). Сяньбийская полития и Жуань-жуаньский каганат в целом являлись кочевыми империями с наиболее низким уровнем общественно-политической сложности (нет городов, оседлых страт населения, государственности, письменности, не ясна их роль в транзитной евразийской торговле). Фик-

сируется разрыв с наиболее продвинутыми общественно-политическими практиками хуннского периода.

Тюркские каганаты

Тюрки создали крупнейшую транзитную империю со сложной структурой управления. Торговля шелком вынудила тюркские элиты структурировать свои отношения с Китаем, посредниками в торговле и крупными потребителями шелка и других китайских товаров. Система государственных институтов сформировалась в основном на захваченных территориях, там, где проходили центральные магистрали Шелкового пути, где были городские центры, развивалось ремесло и земледелие (Восточный Туркестан, Семиречье, Средняя Азия). Тюрки усваивали местную управленческую практику, собирали налоги и пошлины, получали их в качестве даней, в отдельных случаях возглавляли администрацию городов, осуществляя своего рода завоевательную урбанизацию. Таким образом, в рамках Тюркского каганата к концу VI в. возник особый тип периферийной государственности.

Властные структуры каганата в Монголии первоначально напоминали иерархическую организацию управления у хунну. Доминирующая группа «племен» во главе с Ашина (в китайских источниках племена тюрков названы по имени их предводителя из Ашина; можно предполагать, что в такие племена входили не только этнические тюрки, но и аристократия, воины, слуги из других племенных групп) возвышалась над другими племенами тюрков, подчиненными уйгурами, теле, стоявшими ниже по статусу племенными объединениями. В отличие от хунну тюрки стремились к большему контролю над племенами. В письменных источниках упоминаются лица различного ранга, которые занимались регионально-территориальным и племенным управлением (шад, малые каганы, тарханы, тутуки и др.) [Liu Mau-tsai, 1958: 8, 43–44, 50, 132, 498–499; Тишин 2012: 227, 230]. Усиление надзора за племенами, поборы, захваты людей и имущества, принуждение к участию в войнах империи — все это имело ответную реакцию. В китайских хрониках сказано, что тюрки поколениями «совершали насилие», поэтому «государства восточных варваров ждут мести», а вожди западных варваров давно питают злобу к ним. Племена цигу, «которые властвуют севернее туцую, скрежеща зубами, выжидают своего случая» [Liu Mau-tsai, 1958: 46]. В 605–606 гг. на фоне распада великого тюркского эя на Западный и Восточный каганаты и длительной предшествующей междоусобицы против тюрков восстали уйгуры, пугу, тунло и байегу [Liu Mau-tsai, 1958: 350]. Хорошо известно восстание сейяньто, уйгуров, пугу и других племен теле в 628–630 гг., которое привело к разгрому тюрков, многочисленным выступлениям подчиненных племен во Втором Тюркском каганате.

В отдельные периоды укрепления власти в Тюркском каганате, например при кагане Тобо (Таспар-каган, 572–581 гг.), мы можем по примеру А. М. Хазанова говорить о возникновении ситуационной государственности (ранней государственности) или альтернативной государственности, но близкой по уровню сложности формы. Неслучайна попытка Таспара поддержать распространение буддизма среди кочевников. В теоретическом плане «ситуационность», по словам А. М. Хазанова, заключалась в том, что такие образования «без завоевания и покорения оседлого населения» были лишь «краткосрочными эпизодами в истории», появлялись накануне или в период завоеваний

и не могли долго существовать за счет внутренних ресурсов» [Хазанов, 2000: 450–451]. Конечно, Тюркский каганат в это время представлял собой гораздо более сложную политику, имел доступ к внешним ресурсам, успешно вмешивался во внутренние дела северокитайских царств Северная Ци и Северная Чжоу, получал доходы с завоеванных территорий. Но «ситуационность» проявлялась в непрочности и в большой зависимости от внешних и внутренних факторов. Достаточно вспомнить, что после смерти Таспара резко изменилась внешнеполитическая обстановка. Китай был объединен династией Суй, которая прекратила выплаты тюркам шелком и другими престижными товарами, а в 584 г. принудила кагана Ша-бо-люэ и его сына Дулань-кагана платить дань китайскому императору. Одновременно с этим закончилась завоевательная фаза развития империи, в рамках которой внутренние противоречия отходили на второй план, и началась междоусобица, закончившаяся противостоянием восточной и западной частей каганата, расколом на две отдельные политики и фактическим образованием в Восточно-тюркском каганате двух каганатов наподобие северных и южных хунну (номинальный каган Жангар возглавлял племена и союзы, перешедшие под контроль Суй и расположившиеся в пограничной зоне Поднебесной, в то время как к северу от Гоби осталась не признавшая власть китайского правителя часть тюрков с альтернативными правителями).

В отношении тюркских каганатов мы можем говорить об определенном пороге сложности общественно-политических институтов. У тюрков попытки усложнения политических структур приводили либо к катастрофе (введение Эль-каганом налогообложения в степи вызвало выступление уйгуров, пугу, сейяньто и других племен теле, способствовало вторжению войск Тан и ликвидации каганата), либо встречали сопротивление правящей элиты (категорическое возражение Тоньюкука против желания Бильге-кагана построить стены вокруг ставки, т. е. создать город, и принять буддизм). В последнем случае идея превращения ставки в город свидетельствует о том, что запрос на такие «инновации» в Степи был, но он не имел достаточной политической поддержки, так как часть кочевых элит, помнившая о том, как они жили в Китае, боялась повторения ситуации 630 г., указывая, что города и религиозные культы из Китая ослабят тюрков.

И все же во времена Второго Тюркского каганата как минимум один город существовал. Он известен нам по руническим надписям как Тогу-балык на реке Тогла (Тола) на территории, которую занимали уйгуры и их ближайшие союзники — племена пугу. Он возник не позднее начала VIII в. [Малов, 1951: 42, 66; 1959: 21; Малявкин, 1980: 124]. Но этот город мы не можем поставить в «зачет» тюркам. Он был скорее предвестником урбанизации в Уйгурском каганате [Васютин, 2011г: 64–67]. До провозглашения Уйгурского каганата, возможно, еще один город появился в уйгурских владениях. В 685 г. и во время выступлений против тюрков в 714–716 гг. часть уйгурской элиты и союзнических племенных групп укрылась в пограничных провинциях Среднего государства. В 727 г. уйгуры во главе с прямым потомком ягларкарской династии Хушу вернулись в Степь [Кляшторный, 2010: 241]. Они вынуждены были признать власть тюрков. Карабалгасунская надпись сообщает о строительстве «на равнине Орхона» еще одного города («столицы») до возникновения Уйгурского каганата (745–840 гг.), приписывая его создание Хушу (он «воспринял государство в северных краях», «построил столи-

цу», «просветленно и мудро управлял государством») [Камалов, 2001: 194]. Хушу, долго проживший в китайских владениях, был знаком с городской жизнью, принципами и методами управления в Поднебесной и после возвращения в 727 г. в степь мог перенести какие-то элементы китайского опыта на подчиненные земли, в том числе «построить» стационарную ставку на Орхоне, которую затем Элетмиш Бильге-каган сделает главной ставкой. Трудно представить, чтобы тюрки позволили подчиненным уйгурам возвести город в священном для них месте — Отыюкенской черни. Поэтому вопрос о «столице Хушу» остается открытым и требует отдельного изучения.

Уйгурская урбанизация и формирование раннего государства

Уйгурский каганат — образец альтернативного пути развития в степном пространстве. Урбанизационные процессы в империи уйгуров, их причины и факторы неоднократно обсуждались в научной литературе [Киселев, 1957: 93–95; Киселев, Евтюхова, Кызласов, Мерперт, Левашова, 1965: 14–15, 123; Barfield, 1989: 179–182; Дробышев, 2009: 17–25; Крадин, 2011: 335–336; Васютин, 2011в: 29–32; Vasyutin, 2015: 405, 408–410]. Сейчас уже понятно, что не все городища уйгурского времени, несмотря на свою сложную пространственную структуру, были местом постоянного обитания кочевого и оседлого населения. Города строились китайцами и согдийцами, но не самостоятельно, а по прямому указанию кагана: «...согдийским и китайским (мастерам) я приказал построить на (реке) Селенге (город) Байбалык» [Кляшторный, 2010: 66].

Наиболее показательным в уйгурской урбанизации, помимо строительства крупного столичного города Орду-балык (Хар-балгас), было создание сети «областных» административных центров (Бейбалык, Цагаан Сумийн балгас, Хэрмэн-дэнж и др.), городов и поселений вдоль ветки Шелкового пути, который проходил по степям Монголии из-за захвата Тибетом Ганьсу, военно-административных центров, крепостей. Ряд городов, особенно столица Орду-балык, обладали всеми признаками города (городское население и ремесло, земледельческая округа, рынки, администрация и пр.). В целом для Уйгурского каганата характерна полифункциональность городов: административное управление, ремесленно-земледельческая деятельность, торговля, осуществление религиозных культов и церемоний, оборонительные функции и т. д. [Васютин, 2011б: 100–101; 2011в: 29–31; 2012: 14, 18–20; Vasyutin, 2015: 406–408].

В Уйгурском каганате еще в VIII в. в связи с ростом городов и численности оседлых общин наблюдается усложнение системы управления. Уйгурская элита (родовая аристократия и высшая служилая знать) постепенно превращалась в исполнителей разных административно-руководящих функций. В последние три десятилетия существования каганата происходило формирование ранней государственности. Каган, его окружение, управленческий аппарат содержались за счет доходов от торговли шелком, обмена в Китае лошадей на шелк, пошлин и налогов на торговую, земледельческую и ремесленную деятельность. Одновременно с этим развивалось городское управление (главы городов, сборщики налогов, судьи), появились станции на торговых путях, в провинции также выросло число фискальных и военных чиновников [Васютин, 2011б: 101; 2011в: 31–32; 2012: 21–22; Vasyutin, 2015: 411–412].

В уйгурской кочевой империи постепенно оформилась сложная для степного пространства общественная структура. Из состава военно-аристократического окруже-

ния кагана постепенно сформировалось высшее имперское чиновничество, богатевшее за счет регулярной продажи шелка и доходов от торговли), появился управленцы среднего звена, что усложняло структуру кочевой части имперского сообщества. Элиты в Уйгурской державе не были замкнуты, о чем свидетельствует представительство среди «министров» выходцев из разных племен и согдийских общин. Еще одной особенностью «социального пространства» каганата было включение в состав элитных слоев манихейского духовенства и согдийского купечества. Существенно отличалось положение и функциональность земледельцев и ремесленников в Уйгурском каганате по сравнению с империей Хунну: они строили города и жили в них или рядом с городскими центрами [Васютин, 2011в: 29–31; 2012: 22–23].

С падением Уйгурского каганата сформировавшаяся в каганате ранняя государственность оказалась недостаточно устойчивой, поэтому в период кризиса империи ее наиболее сложные институты «исчезли», уступив место «надплеменным» и «племенным» корпорациям. Города оказались не востребованными ни кыргызами, ни оставшимися в степях Монголии номадами. Тем самым наблюдается разрыв между достижениями уйгуров и возвращением к традиционному образу жизни в разных номадных объединениях после падения каганата. В очередной раз мы можем констатировать факт отсутствия прямой преемственности сложных форм социально-политической организации уйгурской империи в объединениях номадов середины IX — начала X в. Косвенно опыт и успехи уйгуров нашли отражение в практике киданьской империи Ляо.

Империя Ляо

Империя Ляо показала пример создания кочевниками наиболее сложного в домонгольский период общественно-политического объединения [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949; Barfield, 1989: 183–186; Di Cosmo, 1999: 29–30; Крадин, 2007; Krajin, 2011; Крадин, Ивлиев, 2014: 3, 224–227, 251–255; Васютин, 2011а: 111; Vasyutin, 2015: 414]. В результате завоевания северо-восточных провинций Поднебесной возникла крупная «дуальная империя», объединившая, помимо родовых земель киданей и Северо-Восточного Китая, государство Бохай, степной мир (киданьские анклав в Центральной и Восточной Монголии), периферийные территории с племенами си, частью шивэй, чжурчжэнями и другими этническими группами.

Киданьская империя существенно отличается от своих предшественников — пасторальных имперских политий степной Монголии и даже от более сложного в политическом, социальном и экономическом отношении Уйгурского каганата. В империи Ляо произошли фундаментальные изменения власти по сравнению с базовой степной моделью: возникла сложная система правительственных учреждений (император и императорский двор с различными бюро и службами, верховный совещательный орган — Тайный совет, судебная система, возглавляемая Великим илиби, Северная и Южная канцелярии, включавшие министерства и другие ведомства, генерал-губернаторства и т. д.), оформление института *ордо* как экономической опоры военно-политического могущества киданей, культурная трансформация (письменность, образование, буддизм) [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 434–467; Даньшин, 2006: 69–104; Крадин, 2007: 178–194; Krajin, 2011: 27–31; Васютин, 2011а: 112–113; Vasyutin, 2015: 417–422] — все

это и многое другое выдает зарождение новой модели кочевой империи, которую нельзя ставить в один ряд с конфедеративными степными политиями.

Важной чертой политической и социально-экономической жизни Ляо стало градостроительство, охватившее исконные земли киданей, китайские провинции, территорию Бохая и Монголии. Потребность в городах была сформирована разными запросами киданьских элит на доходы от деятельности городов, доступа к контролю за производством престижных товаров, постепенного формирования их нового образа жизни в городской среде, принятия буддизма и многими другими причинами.

Н. Ди Космо считал определяющим для империи Ляо «приобретение знаний и административных навыков для организации управления земельными областями», сочетание кочевой политической культуры с формами прямого контроля над ресурсами земледельческих народов, когда большая часть доходов поступала от прямых налогов, получаемых с земледельческих народов [Di Cosmo, 1999, 26–29]. Н. Н. Крадин оценивал характер политической власти в киданьской империи как переходный (преобладание личностных связей в верховных институтах власти, сохранение редуцированных функций у императора, использование такого механизма контроля за управленцами, как регулярные выезды императорского кортежа между пятью столицами). Особую роль Н. Н. Крадин отводил вымогательству у Сун шелка и денежных субсидий, так как эти доходы составляли «основу бюджета престижной экономики империи» [Крадин, 2007: 180–192].

В итоге мы можем констатировать, что дуальность имперского управления отразилась на дуальности источников доходов. С одной стороны, это были поставки шелка и серебра по договорам с китайской империей Сун, дань и различные поборы с зависимых народов, с другой — налоги и пошлины, собираемые с земледельческого и городского населения империи. Таким образом, в рамках империи Ляо государственно-урабанизационная модель приобрела зрелые формы, став в последующем образцом для чжурчженей и монголов.

В социальном отношении принятие элитами киданей целого ряда китайских политических и социальных практик способствовало постепенному зарождению сословных границ в элитной среде, вело к размыванию слоя рядовых кочевников, десоциализации части номадов (их оседанию и снижению статуса, использованию на государственных службах и работах, разорению, налогообложению и т. д.), созданию сильно стратифицированного общества. Элита, во многом ориентированная на стандарты жизни верховной китайской бюрократии, дополняла свое привилегированное положение различными придворными должностями, земельной собственностью, участием в распределении государственных доходов, вела мало связанный с кочевым бытом повседневный образ жизни (ее представители проживали в дворцах, где их окружала богатая утварь, великопные интерьеры, прислуга и рабы, носили роскошную одежду и аксессуары в виде поясов с золотыми и серебряными накладками, украшения, парадное оружие и др.).

Более того, императоры и их окружение своей политикой проводили своеобразный «барьер» между государственными сановниками и простыми степняками. На простых кочевников была наложена трудовая повинность, которая не распространялась на киданьские элиты. Киданьская титульная знать приобрела ряд внешних сословных

черт: семейно-брачная замкнутость высших линиджей; для ряда верховных сановников право содержания получастных армий; более мягкие наказания, чем для рядовых номадов, в случае одинаковых преступлений (характерная черта многих сословных законодательных актов Средневековья). Это дополняло и без того широкие социальные и имущественные привилегии этих слоев, например, почти исключительное право родовитых киданей на занятие государственных должностей с XI в., многочисленные ритуалы, в которых участвовало только ближайшее окружение императора [Васютин, 2011a: 114; 2019: 153, 154, 155; Vasyutin, 2015: 425–427]. В итоге в ляоском обществе наблюдалось две общественные тенденции — постепенное оформление сословных границ и образование номадно-оседлого общества. Но оба данных процесса не получили завершения, а имперский социум в Ляо имел ярко выраженные переходные черты.

Политика киданей в отношении уйгуров имела свою логику. Поскольку Уйгурский каганат олицетворял последнюю номадную империю, господствовавшую во Внутренней Азии и подчинившую киданьские племена, то основатель империи Ляо Абаоци стремился ликвидировать свидетельства былого величия уйгуров в монгольских степях, приказав своим солдатам во время рейда по степям к северу от Гоби в 924 г. уничтожать надписи на уйгурских стелах. С другой стороны, часть уйгуров укрылась в киданьских владениях после падения каганата, клан Сяо уйгурского происхождения стал брачным партнером правящего киданьского клана Елюй, представители клана Сяо занимали высшие и руководящие посты империи [Wittfogel, Feng, 1949: 191, 491; Даньшин, 2006: 25–26; Крадин, 2007: 178]. Уйгуры участвовали в строительстве киданьских городов в Монголии, обеспечении жизни ляоских гарнизонов, различных службах. Кроме того, велась активная торговля киданей с уйгурами из Восточного Туркестана.

Возвращаясь к проблеме преемственности сложных общественно-политических форм у кочевников Внутренней Азии, следует отметить, что кидании создали в Степи довольно крупные городские центры и целый ряд крепостей, малых городов, усадеб [Крадин, 2011: 337–339; Крадин, Ивлиев, 2014: 61–83; Васютин, 2011a: 113–114; Vasyutin, 2015: 422–425]. Но с падением империи Ляо эти города пришли в запустение. Аналогичная судьба ждала и городские центры Монгольской империи.

Примеры Уйгурского каганата и империи Ляо, а также Монгольской империи показывают, что сложные общественные структуры в степях Центральной Азии были неустойчивыми и дискретными, отсутствовали постоянные институты и механизмы поддержания городской инфраструктуры, государственности, культурных традиций, связанных с письменностью и образованием.

В кочевом мире Внутренней Азии рост сложности социально-политических отношений во многом обеспечивался экзогенными факторами и сильно зависел от различных внешних (военно-политических, экономических) конъюнктур. Городская инфраструктура, существование не характерных для кочевого мира социальных групп, возникновение государственных институтов могли поддерживаться только имперскими структурами. С падением империй номадов наблюдается быстрое исчезновение городской жизни и продвинутых политических и культурных практик. Однако наряду с указанной генеральной тенденцией были исключения. Примером может служить городище Хэрмэн дэнж на реке Толе, археологические материалы которого, несмотря на раз-

рыв между временем функционирования города тюрко-уйгурского периода и киданьского города Чжэньчжоу конца IX — начала XII в., позволяют говорить о некоторой преемственности и сохранении в облике киданьского города черт уйгурского градостроительства [Васютин, 2011г].

В целом, приходится признать, что преемственность городской жизни, государственности и процессов замыкания элит в кочевых империях Внутренней Азии периода раннего Средневековья за редким исключением отсутствовала. Связь Ляо и Монгольской империи прослеживается более отчетливо, но в обоих случаях градостроительный опыт киданей и монголов в монгольских степях не был востребован последующими кочевыми образованиями. Это отличает кочевые империи от землевладельческих цивилизаций, в которых социально-политический и культурный континуитет был нормой, хотя и существовали разрывы в кризисные периоды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васютин С. А. Проблемы формирования номадно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2011а. Вып. 7. История. С. 110–115.

Васютин С. А. Трансформация властных институтов уйгуров в период раннего средневековья: от племенной политики к государству // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2011б. № 1 (13). С. 99–102.

Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс н.э // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011 в. № 11 (113). С. 28–34.

Васютин С. А. Киданьское городище Хэрмэн дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011 г. № 4. С. 63–71.

Васютин С. А. Культурная трансформация северной «варварской» периферии китайской цивилизации (на примере Уйгурского каганата) // Цивилизация и варварство: трансформация понятия и региональный опыт. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 109–128.

Васютин С. А. Сакральные-ритуальные традиции киданьской элиты // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы Первого Алтаистического форума. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 151–155.

Даньшин А. В. Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. 180 с.

Дробышев Ю. И. Уйгурский каганат — нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 3. С. 17–26.

Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Васютин С. А. Черепица городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин, Монголия (по материалам раскопок 2015 г.) // Труды Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 134–146.

Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы : Наш мир, 2001. 216 с.

Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.

Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П. Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. 372 с.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Крадин Н. Н. Империя хунну. М. : Логос, 2002. 312 с.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н. Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 72 (1–2). М. : Наука, 2011. С. 330–351.

Крадин Н. Н. Современные теории происхождения государства // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 6. С. 17–28.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо. М. : Наука: Восточная литература, 2014. 351 с.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Империя хунну и начала степной урбанизации // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 7. С. 226–240.

Крадин Н. Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 11–31.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 109 с.

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. С. 103–126.

Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 31–43.

Таскин В. С. (предисл., перевод и прим.). Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. 176 с.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М. : Наука, 1993. 472 с.

Тишин В. В. Порядок престолонаследия у древних тюрков VI–VIII вв. (по китайским источникам) // Общество и государство в Китае : материалы XLII научной конференции. М. : ИВ РАН, 2012. Т. 2. С. 226–232.

Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge : Blackwell, 1989. 325 p.

Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. Vol. 10. № 1. P. 1–40.

Krader L. The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963. 412 p.

Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs. New York : Prentice-Hall, 1968. 118 p.

Kradin N. N. Liao Dynasty as a Nomadic Empire // The International Conference on "Cultural Diversity of Nomads. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. P. 25–34.

Kwanton L. Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 352 p.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940. 585 p.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B.I. Texte. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1958. 484 s.

Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49–104.

Rogers D. J. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia // Asian Perspectives. 1997. Vol. 46. № 2. P. 249–274.

Vasutin S. A. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE. Bonn: Vor-und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 391–437.

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

REFERENCES

Vasyutin S. A. Problemy formirovaniya nomadno-osedlogo obshchestva v imperii Lyao [Problems of Formation of Nomadic-settled society in Liao Empire]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2011a, V. 7. Istorica. S. 110–115 (in Russian).

Vasyutin S. A. Transformatsiya vlastnykh institutov uigurov v period rannego srednevekov'ya: ot plemennoi politii k gosudarstvu [Transformation of Uighur power Institutions in the Early Middle Ages: from tribal polity to the State]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorica* [Tomsk State University Journal of History]. 2011b, № 1 (13). S. 99–102 (in Russian).

Vasyutin S. A. Uigupskii kaganat — tsivilizatsionnaya al'ternativa pastoral'nym imperiyam Tsentral'noi Azii I tysyacheletiya nashei ery [Uyghur khaganate as civilization alternative to the pastoral empires of Central Asia of I millennium AD]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin Tomsk State Pedagogical University]. 2011b, № 11 (113). S. 28–34 (in Russian).

Vasyutin S. A. Kidan'skoe gorodishche Khermen denzh i Togu-Balyk koshotsaidamskikh nadpisei: k voprosu o proiskhozhdenii i etnokul'turnoi prinadlezhnosti goroda nachala VIII v. na reke Tole [Khitan Settlement Khermen Denzh and Togu-Balyq of Khöshöö Tsaidam monuments: on the Issue of Origin and Ethno-cultural identity of the Town of the Early VIII century on the Tola river]. *Vestnik Buryatskogo nauchnoogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Possiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2011r, № 4. S. 63–71 (in Russian).

Vasyutin S. A. Kul'turnaya transformatsiya severnoi "varvarskoi" periferii kitaiskoi tsivilizatsii (na primere Ugurskogo kaganata) [Cultural transformation of the Northern "barbarian" periphery of Chinese civilization (on the example of the Uyghur khaganate)]. *Civilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatij i regionalnyj opyt* [Civilization and Barbarity: transformation of the concept and regional experience]. Moscow: IVI RAN, 2012. S. 109–128 (in Russian).

Vasyutin S. A. Sakral'no-ritual'nye traditsii kidan'skoi elity [Sacred Ritual Traditions of the Khitan Supreme Elite]. *Materialy Pervogo Altaisticheskogo foruma "Tyurko-mongol'skii mir Bol'shogo Altaya: istoriko-kul'turnoe nasledie I sovremennost'"* [Materials of the First International Altaistic Forum "Turkic-Mongolian World of the Great Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity"]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 151–155 (in Russian).

Dan'shin A. V. Gosudarstvo i pravo kidan'skoi imperii Velikoe Lyao [State and law of the Khitan Empire Great Liao]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) GOU VPO "RGU"; Kuzbassvuzizdat, 2006. 180 c. (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Ugurskii kaganat — netipichnaya kochevaya imperiya [Uyghur Khaganate — an atypical nomadic Empire] // *Vostok (Oriens). Afro-Aziatskie obshestva: Istorii i Sovremennost'* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2009. № 3. S. 17–26 (in Russian).

Ivliev A. L., Kradin N. N., Vasyutin S. A. Cherepitsa gorodishcha Terelzhin-Dervelzhin, Mongoliya (po materialam raskopok 2015 g.) [Tiles of Tereljín-Durvljín walled town, Mongolia (basing on materials of excavation in 2015)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii, etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS], 2018, v. 20. S. 134–146 (in Russian).

Kamalov A. K. Drevnie uigury VIII–IX vv. [*Ancient Uyghurs VIII–IX cc.*]. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 s. (in Russian).

Kiselev S. V. Drevnie goroda Mongolii [Ancient cities of Mongolia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1957, № 2. S. 91–101 (in Russian).

Kiselev S. V., Evtukhova L. A., Kyzlasov L. R., Merpert N. Ya., Levashova V. P. Drevnemongol'skie Goroda [*Ancient Mongolian Cities*]. Moscow: Nauka, 1965. 372 s. (in Russian).

Klyashtornyi S. G. *Runicheskie pamyatniki Ugurskogo kaganata i istoriya evrasiiskikh stepei* [Runic Inscriptions of Uyghur Khaganate and History of Eurasian Steppes]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo "Petersburgskoe vostokovedenie". 2010. 328 s. (in Russian).

Klyashtornyi S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrasii* [Steppe Empires of ancient Eurasia]. Sankt-Petersburg: Faculty of Philosophy of Saint-Petersburg State University, 2005. 346 c. (in Russian).

Kradin N. N. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. Moscow: Logos, 2002. 312 s. (in Russian).

Kradin N. N. *Kochevniki Evrasii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Daik-press, 2007. 416 s. (in Russian).

Kradin N. N. Goroda v srednevekovykh kochevykh impriyakh mongol'skikh stepei [Cities in the Middle Ages Nomadic Empires of Mongolian Steppes]. *Srednie veka. Issledovaniya*

po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni [Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History]. 2011, №. 72 (1–2). S. 330–351 (in Russian).

Kradin N. N. Sovremennye teorii proiskhozhdeniya gosudarstva [Contemporary Theories of the Origins of the State]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. 2018. № 6. S. 17–28 (in Russian).

Kradin N. N., Ivliev, A. L. *Istoriya kidan'skoi imperii Lyao* [History of the Khitans Liao Empire]. Moscow: Nauka: Vostochnaia literatura, 2014. 351 s. (in Russian).

Kradin N. N., Ivliev A. L., Vasyutin S. A. Imperiya hunnu i nachala stepnoi urbanizatsii [Hunnu Empire and Beginning of Urbanization in Steppe Regions]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS], 2018, № 7. S. 226–240 (in Russian).

Kradin N. N., Kan In Uk. Sovremennye issledovaniya po arkheologii khunnu v Evrazii [Modern Research on Archaeology of the Hunns in Eurasia]. *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [The Hunns Forum. Problems of Origin and Identification of the Culture of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: Izd. tsentr Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2013. S. 11–31 (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti* [Ancient Turkic Inscriptions]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 447 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii I Kirgizii* [Ancient Turkic Inscriptions of Mongolia and Kirghizia]. Moscow ; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. 109 s. (in Russian).

Malyavkin A. G. Taktika Tanskogo gosudarstva v bor'be za gegemoniyu v vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii [The Tactics of the Tang State in the Struggle for hegemony in the Eastern part of Central Asia]. *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [The Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk: Izdatel'stvo "Nauka". Sibirskoe otdelenie, 1980. S. 103–126 (in Russian).

Savinov D. G. Sistema sotsial'no-etnicheskogo podcheneniya v istorii kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri [System of social and ethnic subordination in the History of nomads of Central Asia and southern Siberia]. *Mongolskaya imeriya I kochevoi mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Кн. 2. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk, 2005. S. 31–43 (in Russian).

Taskin V. S. (predislovie, perevod i primechania). *Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istichnikam)* [Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources)]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1968, 176 s. (in Russian).

Trepavlov V. V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti* [Political system of the Mongol Empire of the 13th century (problems of historical succession)]. Moscow: Vostochnaya literature, 1993? 168 s. (in Russian).

Tishin V. V. Poryadok prestolonaslediya u drevnikh tyurkov VI–VIII vv. (po kitaiskim istichnikam) [The order of succession among the ancient Turks of the VI–VIII cc. (according to Chinese sources)]. [Society and state in China: materials of the XLII scientific conference]. Moscow, Institut vostokovedeniya Possiiskoi Akademii nauk, 2012. V. 2. S. 226–232 (In Russian).

Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell, 1989, 325 p. (in English).

Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // *Journal of World History*, 1999, vol. 10, № 1. P. 1–40 (in English).

Krader L. *The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton, 1963, 412 p. (in English).

Krader L. *Formation of the State*. Englewood Cliffs. New York: Prentice-Hall, 1968, 118 p. (in English).

Kradin N. N. Liao Dynasty as a Nomadic Empire. *The International Conference on “Cultural Diversity of Nomads*. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. P. 25–34 (in English).

Kwanten L. *Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 352 p. (in English).

Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940, 585 p. (in English).

Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. B.I. Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 s. (in German).

Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. *Ural-Altäische Jahrbucher*. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49–104 (in German).

Rogers D. J. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia. *Asian Perspectives*. 1997. Vol. 46, № 2. P. 249–274 (in English).

Vasyutin S. A. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor-und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 391–437 (in English).

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p. (in English).

Цитирование статьи:

Васютин С. А. Проблемы преемственности сложных социально-политических форм в кочевых империях Внутренней Азии конца I тыс. до н. э. — начала II тыс. н. э. // *Нации и религии Евразии*. 2020. № 3 (24). С. 35–51.

Citation:

Vasyutin S. A. Succession issues of complicated social and political formations in inner asia nomadic empires of late 1st millenary b. c. — early iind millenary a. d. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 3 (24). P. 35–51.
